

О СОПРЯЖЕНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМ

Павел Александрович Барахвостов,

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Белоруссия,
barakhvostov@yandex.by

Получена 25.07.2023.

Поступила после рецензирования 02.11.2023.

Принята к публикации 25.12.2023.

Для цитирования: Барахвостов П. А. О сопряжении геополитической и институциональной парадигм // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 1. С. 8–30. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8

Аннотация

В настоящей работе предпринята попытка сопряжения геополитической и институциональной парадигм для исследования на мезоуровне роли пространства для социальных систем. Выявлена аналогия цивилизаций Суши и Моря со странами, характеризующимися соответственно институциональной матрицей X и Y типа. Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видаля де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря. Используя концепцию X(Y) «плотности» институциональных матриц, определяемой количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, объяснено появление «береговой зоны» как зоны контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа. Показано, что особенности «береговой зоны» – следствие повышенной проницаемости здесь институциональной

© Барахвостов П. А., 2024

матрицы для институтов комплементарного типа. Обосновано, что географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме. Показано, что в современных условиях жизненно важной необходимостью социальных систем является не территориальное расширение, а интеграция в различных формах. Как правило, интеграционные союзы не являются абсолютно симметричными и включают «ядро» и периферию. В ходе интеграционных процессов наблюдается институциональная конвергенция, которая обеспечивается за счет трансплантации институтов более успешного и эффективного «ядра» на периферию и двунаправленной институциональной диффузии. Таким образом, внутри союзов образуются каналы *институционального расширения* интегрируемых социумов. Как правило, интеграционное объединение возникает в рамках некоторого географического региона. Показано, что особенности формируемых при этом региональных порядков и регионального регулирования задаются преобладающим в регионе типом институциональных матриц (X или Y). При этом если интегрируются общественные системы X-типа, то институты в основе регионального порядка и регионального регулирования относятся к Y-типу, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего регионального интеграционного объединения в целом.

Ключевые слова:

геополитический подход, геополитическое пространство, институциональная матрица, базовые институты, редистрибутивный тип институтов (институты X типа), рыночный тип институтов (институты Y типа), интеграция

UDC 327:330

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_1_8

ON THE CONJUGATION OF THE GEOPOLITICAL AND INSTITUTIONAL PARADIGMS

Pavel A. Barakhvostov,

Belarusian State Economic University,
Minsk, Belarus,
barakhvostov@yandex.by

Received 25.07.2023.
Revised 02.11.2023.
Accepted 25.12.2023.

For citation: Barakhvostov, P.A. (2024). On the conjugation of the geopolitical and institutional paradigms. *Discourse-P*, 21 (1), 8–30. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8

Abstract

The paper attempts to combine geopolitical and institutional paradigms for the purpose of studying space factor in social systems at the meso-level. The similarity of land and sea civilizations to X- and Y-matrix countries is revealed. The simultaneous presence of institutions of both types (X and Y), co-existing in the institutional matrix on the principles of dominance/complementariness, corresponds to Paul Vidal de la Blache's idea of interpenetration of land and sea. Relying on the X- or Y-density concept of institutional matrixes determined by quantity and effectiveness of complementary institutions, the paper explains the nature of Coastal zone, which happens to be a region of contact for different geographical areas with countries of opposite (X or Y) matrix types. Distinctive features of Coastal zone result from specific characteristics of an institutional matrix which is highly penetrable by complementary institutions. It is substantiated that geographical space plays an important role in the life of society, however, due to the presence of complementary institutions in the institutional matrix associated with human activities aimed at transforming the natural and institutional environment, one should not speak of absolute geographical determinism. The paper shows that in modern circumstances the vital necessity of social systems lies in integration of different forms, rather than in territorial expansion. As a rule, integration unions are unlikely fully symmetrical and consist of the nucleus and the periphery. During integration process the institutional convergence happens, which is ensured by institutional transfer from the nucleus, which is more successful and effective, to the periphery; as well as through two-way institutional diffusion. Thereby, there are channels of institutional expansion within unions for integrating societies. As a rule, integration emerges in a certain geographic region. The paper demonstrates that peculiarities of regional order and regional government are usually conditioned by the type of their institutional matrix (X or Y) prevailing in the region. If X-type societies are integrated, then institutions of regional order and regional government are formed with the Y type, and vice versa. New institutions emerging as a result of integration processes serve compensatory function, ensuring balanced development of both individual countries and the entire integration association.

Keywords:

geopolitical approach, geopolitical space, institutional matrix, basic institutions, redistributive type of institutions (X type), market type of institutions (Y type), integration

Введение

В настоящее время социальные науки все сильнее испытывают парадигмальный кризис. Как правило, исследования, фокусируясь на узких проблемах, акцентируют внимание только на отдельных аспектах существования общественных систем, тогда как социальные явления возникают в результате комплекса взаимозависимых причин, что обуславливает необходимость парадигмального синтеза.

Следует отметить, что идея преодоления междисциплинарных границ не нова. Так, классическая геополитика зародилась на рубеже XIX–XX веков именно благодаря методологическому синтезу. В ее основе – принцип глубокой зависимости общества от природы. Один из основоположников классической геополитики Ф. Ратцель утверждал, что «связи общества всегда обусловлены двумя потребностями: кровом и пищей», причем последняя является «самой насущной потребностью как для отдельных людей, так и для общества» и, следовательно, самой определяющей (Ratzel, 1900, p. 3–4). Эти требования к выживанию действуют подобно силам, которые привязывают человеческие общества к земле и формируют принципы их устройства в соответствии с природными условиями окружающей их среды (Ratzel, 1902).

Базируясь на идеях дарвинизма, Ф. Ратцель подчеркивал глубинную связь человека, социальной системы и пространства, утверждая, что государство – это живой организм (Storey, 2020), подобный естественным организмам, эволюционирующим и совершенствующимся по отношению к физической среде. Его основным инстинктом является самосохранение, а показателем жизни – развитие (внутреннее изменение, движение), рост (Darwin, 1900).

Задаваясь вопросом в чем состоит показатель жизни государства, Ф. Ратцель считал – занимаемое им пространство (Storey, 2020). Таким образом, развиваясь, набирая силу, каждое государство стремится к пространственному росту, который продолжается до естественных границ путем завоеваний или колонизации. По мнению Ф. Ратцеля, в процессе роста государство стремится, прежде всего, вобрать в себя «политически ценные» места: береговые линии, русла рек, равнины, богатые ресурсами регионы. При этом «импульс» к территориальному расширению приходит извне, от «слабых» соседей (Ratzel, 1896). Рост государств способствует стратификации мира: сильные создают колониальные империи, удел слабых – быть присоединенными к сильным державам или вовлеченными в орбиту их влияния (Исаев, 2008).

Базирующаяся на синтезе идей абсолютного географического детерминизма и социал-дарвинизма классическая геополитика явилась попыткой исследования человеческой цивилизации на микроуровне: объектом ее изучения являлись отдельные социальные организмы (*локальные цивилизации*).

Двумя основополагающими формами пространства являются суша и море, что, согласно геополитической парадигме, определяет два основных вида цивилизаций (общественных систем), характеризующихся принципиально различными социальными институтами: цивилизации Суши (теллуократии) и Моря (талассократии) (Mackinder, 1904).

Для цивилизаций Моря характерно отсутствие освоенных территорий вглубь континента, динамичность, подвижность, инновационный путь развития, активное развитие торговли, индивидуализм, предприимчивость. Цивилизациям Суши присуще существование в удаленных от берегов землях, жесткая иерархия общественного устройства, предпочтение традиционного инновационному (Ипатов, 2021). Противостояние цивилизаций Суши и Моря является фундаментальным законом геополитики (Дугин, 2007).

Отметим, что изначально постулируемая непримиримость социальных институтов, характерных для народов Суши и народов Моря, впоследствии была подвергнута сомнению французским ученым Полем Видалем де ла Блашем, выдвинувшим важную для последующего развития геополитики (ее критического направления), базирующуюся на законе диалектики о единстве и борьбе противоположностей идею о том, что Суша и Море не только борются, но и успешно взаимопроникают друг в друга (Vidal de la Blache, 1926). Это обуславливает возникновение так называемой «береговой зоны» – пограничья, – испытывающей сильное влияние как Суши, так и Моря. Идеи де ла Блаша явились диалектической попыткой преодоления представлений о социуме как о замкнутой системе.

Системный кризис геополитики, обусловленный, в первую очередь, перенесением эволюционных закономерностей с природных на социальные объекты и, как следствие, оправданием экспансии в период Второй мировой войны, привел к смене парадигм. Возникло ревизионистское направление, базирующееся на представлении о существовании *некоторых* структурных факторов пространства, оказывающих влияние на международные политические процессы.

Согласно ревизионистскому направлению, исчезает статичность геополитических процессов, рассматриваемых через взаимодействие локальных *незамкнутых* социальных систем (Klieman, 2013), Геополитика выходит на глобальный (макро-) и региональный (мезоуровень). Особое значение приобретает изучение механизмов формирования и поддержания баланса сил, который оказывается зависящим от региональных и локальных подсистем, где ключевыми акторами могут выступать не только великие державы. Ревизионисты отходят от строгого географического детерминизма, утверждая, что география не предопределяет, но создает условия и предлагает возможности. Таким образом, пространственные факторы должны считаться не детерминирующими, а обуславливающими (Sprykan, 1938).

Глобальные перемены в 1990-е гг. породили новое направление – критическое, базирующееся на том, что геополитика государств есть продукт не фундаментальных естественных законов развития общества, а географического воображения и пространственных мифов. В фокусе представителей данного направления оказались не объективные географические факторы, а дискурсы о пространстве (Окунев, 2015), что свидетельствовало об отходе от реализма к идеализму, приведшем к абсолютной оторванности географии от социума.

Таким образом, возникла задача достижения парадигмального синтеза для создания полной картины влияния пространства на политические процессы

(Haverluk et al., 2014). В настоящей работе предпринята попытка сопряжения геополитического и институционального подходов для решения данной проблемы на *мезоуровне*, выявления изменений, внесенных глобализацией, в проявления законов геополитики.

Институциональный подход и теория институциональных матриц как методология исследования

В рамках используемого в настоящей работе институционального подхода институты рассматриваются в самом широком смысле – как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума (Дюркгейм, 1995), «правила игры», которые структурируют социальное действие (North, 1990).

Общество представляет собой целостное интегрированное образование (Т. Парсонс), в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) *равнозначны* (И. Валлерстайн). Регулировать функционирование всей системы позволяет сложная институциональная структура, в которой можно выделить «остов» – образующие *институциональную матрицу* экономические, политические и социокультурные *базовые институты*, которые задают направленность коллективных и индивидуальных действий.

Существуют два основных типа базовых институтов: редистрибутивные и рыночные. Данное положение основано на гипотезе о двух видах экономических систем, обоснованной в трудах А. Смита, К. Маркса, М. Вебера, В. Ойкена, К. Поляни, Д. Норта, а также идее К. Виттфогеля, Т. Парсонса, И. Валлерстайна о связи экономических, политических и социокультурных институтов.

В соответствии с работами С. Г. Кирдиной (Кирдина, 2014), к базовым *редистрибутивным институтам* (институтам X типа) относятся: в экономике – общественная собственность, редистрибуция (*аккумуляция – согласование – распределение*) с обязательным задействованием Центра, служебный труд (Бессонова, 1993); в политике – унитарное (унитарно-централизованное) политическое устройство, иерархическая вертикаль власти во главе с Центром, жалобы по инстанциям в качестве механизма обратной связи: в *социокультурной сфере* – коммунитарное мировоззрение (осознание приоритетности прав и интересов «Мы» над «Я»), эгалитаризм, порядок как закрепленный в общественном сознании принцип устройства общественной жизни, постулирующий взаимозависимость социальных субъектов, необходимость дисциплины и самоограничения для общего блага.

К базовым *рыночным институтам* (институтам Y типа) относятся: в экономике – частная собственность, купля-продажа в качестве института обмена, прибыль как институт обратной связи, наемный труд, конкуренция; в политике – федеративное политическое устройство, самоуправление и субсидиарность;

в социокультурной сфере – субсидиарная идеология, выражающая доминирование «Я» над «Мы».

Одним из важнейших свойств институциональной матрицы общества является сосуществование в ней на принципах доминантности – комплементарности базовых институтов двух типов – редистрибутивных и рыночных (Кирдина, 2014, с. 74). Институциональная матрица с доминированием редистрибутивных институтов называется матрицей Х-типа, рыночного – Y-типа.

Суша и Море в геополитике и страны X и Y типа в теории институциональных матриц

Анализ эмпирических данных показывает связь типа институциональной матрицы с занимаемым социальной системой пространством (Барухостов, 2021; Кирдина, 2016; Ahlfeld et al., 2005; Gallup et al., 1999; Hausmann et al., 2005; Mellinger et al., 2000; Parent, Zouache, 2009; Parent, Zouache, 2012; Plummer, Sheppard, 2006; Rodríguez-Pose, 2013; Saha, 2013). Это свидетельствует о связи геополитического подхода и теории институциональных матриц. В работе (Kirdina-Chandler, 2019) на основе исследования множества государств в различных регионах мира выявлено, что среди географических факторов наибольшее влияние на характер формирующихся в государствах институциональных моделей оказывают температура, уровень осадков и риск стихийных бедствий. Показано, что на территориях, близких к морю, с относительно мягкими климатическими характеристиками (оптимальными температурами воздуха и количеством осадков), а также низкими рисками стихийных бедствий, как правило, формируются государства с институциональными матрицами Y-типа. В свою очередь, в континентальных регионах, где наблюдаются значительные колебания амплитуды осадков и температуры воздуха, средние температуры и средние уровни осадков очень высокие или очень низкие, а риски стихийных бедствий высоки, преобладают страны с институциональными матрицами X-типа.

Подобная особенность может быть объяснена тем, что формирование общественной системы (и, соответственно, институциональной матрицы) начинается с этапа, когда доминирующее положение в экономике занимает оседлое земледелие, что позволяет социуму выжить и обеспечить себя пищей, невзирая на условия окружающей среды. Именно в аграрные эпохи возникают механизмы координации общественной деятельности, благодаря которым можно овладеть природой и использовать ее для общественных нужд. В то же время аграрная сфера сильно подвержена влиянию климатических факторов и ландшафта. Переход к последующим этапам развития не отменяет институциональные наработки предшествующих исторических эпох, а впитывает их в себя вследствие механизмов кумулятивной причинности (Т. Веблен), эффекта зависимости от пути (П. А. Давид, С. Я. Либовиц, С. Я. Марголис и др.), «блокирующих» эффектов (Д. Норт). В этом плане географический ареал, занимаемый социумом, оказывает влияние на соответствующие друг другу, *доминирующие* в матрице экономические, политические и социокультурные институты.

Кроме того, близость моря формирует мировоззрение народа. Получение в лице моря альтернативного источника удовлетворения своих потребностей в пище, его изменчивый характер позволяет проникнуть в сознание и закрепиться мыслям об изменчивости всех институтов, о возможности преобразования действительности, управления своей жизнью и, следовательно, ценности, в первую очередь, человеческой личности. Таким образом, близость моря способствует формированию субсидиарного мировоззрения – института рыночного типа. Классические страны с Y-матрицей – Великобритания, США, Австралия – тесно связаны с морем и в геополитической «интерпретации» относятся к цивилизациям Моря.

Странам же X-типа с доминированием редистрибутивных институтов присуща жесткая иерархия общественного устройства, коммунитарное мировоззрение, сложившиеся из необходимости выживания социума именно при таких условиях организации общественной жизни.

Как следует из вышесказанного, геополитические концепции Суши и Моря перекликаются с постулатом о существовании стран X и Y типа.

Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видалья де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря и положениям критической геополитики.

Следует отметить, что X(Y) «плотность» институциональных матриц, определяемая количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, одинакова не во всех странах, а зависит от того, насколько стабильны выработанные механизмы координации общественной деятельности (эндогенные факторы¹), а также от диффузии² комплементарных институтов извне (экзогенные факторы³).

Можно выделить «зоны», где X плотность матрицы наиболее велика (рыночные институты слабо развиты). Территориально они связаны с наиболее засушливыми, малоплодородными областями, где имеют место значительные колебания температуры и высоки риски земледелия. Осуществление сельскохозяйственных работ здесь требует определенной организующей структуры, функционирующей *на постоянной основе*. Данные «зоны» связаны, например, с континентальной Азией. С точки зрения геополитики, с этими территориями связан Хатрленд.

Однако если осуществление коллективных работ необходимо не постоянно, а в *режиме «импульсной мобилизации»*, например, для защиты от внешних врагов, вырубки лесов и высвобождения земли для пашни, борьбы с паводками и их последствиями, сложившиеся редистрибутивные институты более слабы

¹ Эндогенный фактор – фактор, обусловленный особенностями внутреннего развития социальной системы.

² Диффузия институтов – естественное распространение внутри социума институтов, частным образом заимствованных из другой социальной системы.

³ Экзогенный фактор – фактор, обусловленный воздействием извне.

в сравнении с таковыми в странах Востока (например, Китае), и X- плотность матрицы ниже (Барахвостов, 2020).

Аналогично, можно выделить «зоны» Y- плотности матрицы, уменьшение которой связано с увеличением числа появляющихся комплементарных реди-стрибутивных институтов. Наиболее высока Y- плотность матрицы в США, странах Западной Европы, Австралии, меньше – у народов Восточной Европы (например, Польше (Wysienska-Di Carlo, Di Carlo, 2014)).

Наименьшей плотность X(Y) матрицы оказывается в зоне контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа, что соответствует «береговой зоне». Это связано с формированием фронта – особого вида границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение (Turner, 1932), «взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» (Левяш, 2016, с. 194). Это «размытая область переменной ширины» (Semple, 2015), характеризуемая «неустойчивым равновесием» (Замятина, 1998, с. 82), особыми социальными условиями. Фронтир изменчив, динамичен, что обуславливает формирование здесь социокультурных институтов рыночного типа. Однако именно здесь наиболее часто прибегают к импульсной мобилизации, что требует необходимости признания значения порядка – реди-стрибутивного института. Таким образом, особенности «береговой зоны» определяются повышенной проницаемостью институциональной матрицы для институтов комплементарного типа в области фронта.

Как следует из приведенного рассмотрения, географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме, что согласуется с идеями постклассической геополитики.

Расширение интегрируемых социумов: институциональный подход

Как указывалось выше, социальная система есть интегрированное образование трех взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической, социокультурной). Каждую из них можно ассоциировать с занимаемым ею пространством – экономическим (Бияков, 2004; Кульков, 2014; Ляпина, Моисеева, 2012; Песоцкий, 2015), политическим (Зорина, 2018; Карадже, 2012; Прохоренко, 2012; Пушкарева, 2012; Цветкова, 2019), социокультурным (Озорнина, 2011; Ремизова, 2012; Самчук 2012). Первое из них возникает и функционирует на базе материальных потребностей человека, обусловленных его биологической природой, в то время как остальные есть следствие того, что человек – существо социальное. При этом в ходе эволюции роль нематериальных потребностей возрастает. Эти пространства тесно переплетены, их границы раз-

мыты и, вообще говоря, не всегда совпадают с государственными, а очерчивают «зону максимального влияния» социума.

В настоящее время резко увеличилось количество акторов этих пространств, причем зачастую невозможно точно определить их принадлежность к конкретной территории. Проблема существования социума теперь не связана непосредственным образом с занимаемой им территорией и расположенными на ней ресурсами. В частности, сила государства и уровень жизни народа в значительной степени определяется мировыми товарными и финансовыми потоками, связанными с «зонами влияния» различных государств, уровнем развития науки и технологий, культуры. Кроме того, в связи с появлением новых видов вооружений (например, баллистических ракет) снизилась роль протяженности занимаемого социумом пространства для обеспечения безопасности. Это обуславливает стремление социума не к непосредственным территориальным захватам, а к расширению «зоны влияния». Таким образом, изменяются существенные характеристики расширения (экспансии).

Как правило, в геополитическом дискурсе термин «экспансия», употребляют в крайне негативном смысле, связывая его с политикой экспансионизма ряда крупных мировых держав, проводимой в XX и XXI веке. Однако одним из механизмов расширения «зоны влияния» является интеграция в различных формах. Интеграция – феномен, характерный для человеческого общества с незапамятных времен. Интегративные процессы, направленные на построение все более сложных и совершенных целостных общественных структур, неразрывны с эволюцией. Интеграция выполняет задачу обеспечения сохранности общественной системы, ее монолитности, эффективности функционирования.

Существует множество определений данного понятия. В настоящей работе под *интеграцией* понимается «возникновение некоторой новой общности, некоторого целостного образования с упорядоченными, органическими отношениями между составляющими его элементами» (Барановский, 1983, с. 32), «процесс становления и развития связей, ведущий к возникновению состояния связанности» (Войтович, 1993, с. 11), объединение социальных систем в некую «*общность или даже систему*, обладающую самодостаточными интеграционными механизмами» (Etzioni, 1965).

Первой формой тесной интеграции являлись империи (Кузенков, 2022), которые создавались путем добровольного или принудительного объединения социумов и занимаемых ими географических пространств. В настоящее время наиболее распространена такая форма интеграции, как образование союзов. В основе интеграции – единый *нормативный* подход к механизмам функционирования союза.

Как правило, союзы не являются абсолютно симметричными и включают «ядро» и периферию интеграции. К первым относятся наиболее сильные в экономическом и политическом отношении государства, для которых характерны обеспечивающие эту силу институты (см., напр.: Acemoglu, 2003; Dellepiane Avellaneda, 2010; North, 2016 et al.). В процессе интеграции наблюдается институциональная конвергенция, которая облегчает взаимодействие в пределах

союза. Она обеспечивается за счет двух процессов: трансплантации институтов (целенаправленного заимствования институтов, развившихся в иной институциональной среде (Полтерович, 2001)) более успешного и эффективного «ядра» на периферию и двунаправленной (от «ядра» к периферии и обратно) институциональной диффузии. Таким образом, внутри союзов образуются «каналы» институционального расширения (экспансии) интегрируемых социумов. Следует отметить, что эта экспансия осуществляется не в одном направлении, а во встречных вследствие взаимообогащения нормами и полезными практиками. Трансплантация и диффузия институтов являются механизмами осуществления экспансии в современных условиях. Примером подобной институциональной экспансии может служить влияние немецкой правовой традиции на юридическое сообщество Европейского союза. Закон ЕС, который в настоящее время применяется во всех государствах – членах союза, имеет очевидный немецкий отпечаток. В то же время Европейский суд и Европейский суд по правам человека базируются, в основном, на французском законодательстве и юридических практиках Франции.

Нередко страны «ядра» интеграции прибегают к *управлению* процессами институциональной трансплантации и диффузии за счет использования механизмов стимулирующей обусловленности (финансирования трансплантации институтов, предоставления экономических преференций стране-акцептору) и социализации (обучения элиты целевой страны своим практикам). Отрицательная обусловленность (принуждение к внедрению институтов) используется крайне редко. Примером тому может служить принятие ЕС в 1999 г. Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Институциональная диффузия имеет пространственный предел, который определяется следующими факторами:

1) разницей типов институциональных матриц стран донора и акцептора: чем больше отличия между ними, тем сложнее осуществляется диффузионный процесс. В силу своего имманентного творческого потенциала народы имеют возможность творчески переосмысливать (гибридизировать) диффундировавшие (трансплантированные) институты, «подстраивая» их под свою матрицу. Высокая степень гибридации, при которой существенные характеристики гибридного института позволяют отнести его к типу институтов, доминирующих в матрице социума – акцептора, определяет предел диффузии институтов;

2) истощением социальной системы – донора, который должен затрачивать огромные усилия (вкладывать значительные средства) на поддержание процесса.

Условием устойчивого и эффективного функционирования интеграционных союзов является возможность выработки единых норм по вопросам функционирования (порядка взаимодействия в рамках союза и управления им), что может накладывать предел их роста. Примером тому может служить Европейский союз, переживший несколько расширений в разных географических направлениях, присоединяя государства с различным уровнем экономического развития и различными культурами. При этом достигнутый предел расширения на Восток

обусловлен не только геополитическими причинами, но и значительными трудностями согласования институциональных матриц западноевропейских стран ЕС и государств постсоветского пространства. Р. Проди, председатель Европейской комиссии, заявлял в 2002 г., что ЕС не может расширяться далее, поскольку объединение может свестись лишь к зоне свободной торговли, утратив «политическую» составляющую взаимодействия⁴. Таким образом, предел расширения союза в современных условиях определяется не естественными географическими пределами, а возможностью согласования, «состыковки» *основных институтов, задающих принципы его функционирования (порядок взаимодействия в рамках союза и управления им). Предел расширения устойчивого интеграционного союза связан с пространственным пределом диффузии институтов.*

Как правило, формирование интеграционного объединения связано с определенным географическим регионом мира, что является следствием еще одной особенности эволюции человеческого общества – стремлением к дифференциации. Интеграция и дифференциация – два диалектически связанных процесса. Регион характеризуется установившимся региональным порядком, который определяется соотношением в интеграционных процессах регионализации (интеграция «снизу») и регионализма (интеграция «сверху» с передачей части суверенитета наднациональным структурам) (Solingen, 1998). Замечено, что существуют отличия региональных порядков в Европе и Азии (Байков, 2012): если в первом случае (мы установили, что в данном случае имеет место интеграция стран с институциональными матрицами Y-типа) значительное место занимает регионализм, во втором (преимущественно интеграция стран X-типа) – регионализация.

Кроме того, существенно отличается и региональное регулирование в различных регионах мира, понимаемое как способы координации социальных действий по созданию обязательных правил и/или общественных благ и услуг в одной или нескольких проблемных областях на региональном уровне (Börzel, Risse, 2016). Региональное регулирование включает иерархические и неиерархические способы формирования региональной политики по ключевым проблемам. Проанализировав эмпирические данные (Börzel, Risse, 2016), можно обнаружить, что первые, как правило, преобладают в регионах, объединяющих страны с Y-матрицей, вторые характерны для регионов стран с X-матрицей. Например, институты регионального регулирования в Восточной Азии не являются столь жесткими, как в ЕС. Их основу составляют неформальные средства укрепления доверия, двусторонние, многосторонние встречи лидеров стран, двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле и по вопросам безопасности и т.д.

Таким образом, региональный порядок и региональное регулирование определяется преимущественным типом институциональных матриц интегрирующихся

⁴ Prodi, R. (2002, December 5–6). *A wider Europe: a proximity policy as a key to stability*. Retrieved July 5, 2023, from http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-02-619_en.htm

социальных систем, при этом интеграционные процессы инициируют формирование институтов комплементарного типа как институтов взаимодействия с другими участниками союза: если интегрируются общественные системы X-типа, то при взаимодействии между собой они задействуют Y-институты, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего союза в целом, сглаживая возможные институциональные перекосы.

В силу сложности пространства, занимаемого социальной системой, интеграция в современных условиях представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, который далеко не всегда сводится к формированию протекционистских схем в торговле. Одним из главных драйверов интеграции остается безопасность, вследствие чего устойчивые союзы с высоким уровнем регионализма стремятся распространить свои институты вне интеграционного объединения (на ближайших соседей) для облегчения взаимодействия с окружающим миром, с одной стороны, с другой – в попытке создания зоны безопасности и процветания не только непосредственно у своих границ, но и у границ соседей вследствие огромной связности пространства в современном мире. Примером подобного явления следует считать Европейскую политику соседства (ЕПС), осуществляемую в отношении ближайших соседей ЕС с Востока и Юга. С момента ее запуска ЕПС представляла собой «экспансию без расширения». Европейская политика соседства не предполагала прямого доступа к преимуществам членства в ЕС и была направлена на распространение *институтов* ЕС за пределы интеграционного объединения (Русакович, Барахвостов, 2014, с. 9). Институциональная диффузия за пределы географического пространства, занимаемого интеграционным союзом, также представляет собой форму экспансии в современных условиях.

Заключение

Таким образом, предпринята попытка сопряжения геополитической и институциональной парадигм для исследования на *мезоуровне* роли пространства для социальных систем. Выявлена аналогия цивилизаций Суши и Моря со странами, характеризующимися соответственно институциональной матрицей X и Y типа. Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (X и Y), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», соответствует идее Поля Видяля де ла Блаша о взаимопроникновении Суши и Моря.

Используя концепцию X(Y) «плотности» институциональных матриц, определяемой количеством и эффективностью комплементарных институтов в матрице, объяснено появление «береговой зоны» как зоны контакта географических ареалов, включающих страны противоположного (X или Y) типа. Показано, что особенности «береговой зоны» определяются повышенной проницаемостью институциональной матрицы для институтов комплементарного типа.

Обосновано, что географическое пространство играет важную роль в жизни общества, однако, вследствие наличия комплементарных институтов в институциональной матрице, связанного с деятельностью людей, направленной на преобразование природной и институциональной среды, не следует говорить об абсолютном географическом детерминизме, что согласуется с идеями пост-классической геополитики.

Показано, что в современных условиях жизненно важной необходимостью социальных систем является не территориальное расширение, а интеграция в различных формах. В ее основе – единый *нормативный* подход к механизмам функционирования союза. Трансплантация и диффузия *институтов* являются механизмами осуществления расширения (экспансии) в современных условиях. При этом институциональная экспансия осуществляется не в одном направлении (от «ядра» интеграции к периферии), а во встречных вследствие взаимообогащения нормами и полезными практиками.

Как правило, интеграционное объединение возникает в рамках некоторого географического региона мира. Показано, что формируемые при этом региональный порядок и региональное регулирование определяются преимущественным типом (X или Y) институциональных матриц интегрирующихся социальных систем. Если интегрируются общественные системы X-типа, то в основе регионального порядка и регионального регулирования – Y-институты, и наоборот. Новые институты, возникшие как следствие интеграционных процессов, выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая скомпенсированное, сбалансированное развитие как отдельного социума, так и всего союза в целом, сглаживая возможные институциональные перекосы.

Список литературы

1. Байков, А. А. (2012). *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. Москва: Аспект Пресс.
2. Барановский, В. Г. (1983). *Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики*. Москва: Наука.
3. Барахвостов, П. А. (2020). Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук*, 65(4), 424–431. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
4. Барахвостов, П. А. (2021). Институциональные особенности интеграции земель Речи Посполитой в состав Российской и Австрийской империй. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(4), 51–69. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-51-69>
5. Бессонова, О. Э. (1993). Раздаток как нерыночная система. *Известия СО РАН. Серия: Регион: экономика и социология*, (1), 29–41.

6. Бияков, О. А. (2004). Экономическое пространство: сущность, функции, свойства. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*, (2), 101–108.
7. Войтович, С. А. (1993). Генезис и развитие научного понятия «интеграция». В В. Н. Кудрявцев (Гл. ред.), *Курс международного права: в 7 т.* (Т. 7, с. 8–11). Москва: Наука.
8. Дугин, А. (2007). *Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XXI века*. Санкт-Петербург: Амфора.
9. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон.
10. Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, (5), 75–88.
11. Зорина, Е. Г. (2018). Особенности постреальности и их влияние на политическое пространство. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (4), 91–98.
12. Ипатов, А. Н. (2021). Военные конфликты XXI в. как результат противостояния стран суши и моря. *Этносоциум и межнациональная культура*, (3), 65–75.
13. Исаев, Б. А. (2008). Состояние современной геополитики в ее сравнении с геополитикой классического периода 1890–1940 гг. В В. Г. Марахов (Ред.), *Мировая политика и идейные парадигмы эпохи* (с. 64–71). Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств.
14. Карадже, Т. В. (2012). Политическое пространство/время: содержание понятий. *Вопросы политологии*, (4), 7–20.
15. Кирдина, С. Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y теорию*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
16. Кирдина, С. Г. (2016). Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике. *Пространственная экономика*, (3), 133–150. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133-150>
17. Кузенков, П. В. (2022). Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени. *Политическая наука*, (1), 80–99. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>
18. Кульков, В. М. (2014). Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (1), 3–18.
19. Левяш, И. Я. (2016). Культурное отчуждение и границы: пропасти и мосты. В А. В. Данильченко (Ред.), *Диалог культур в эпоху глобальных рисков* (с. 193–196). Минск: Республик. ин-т высш. шк.
20. Ляпина, М. В., Моисеева, И. С. (2012). Экономическое пространство: сущность, функции, свойства. *Вестник Томского государственного университета*, (3), 34–57.
21. Озорнина, А. С. (2011). Региональные практики КНР и китайское социокультурное пространство. *Исторические, философские, политические*

и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, (3-1), 131–134.

22. Окунев, И. Ю. (2015). Методологический синтез в современной геополитике: навстречу неоклассической (посткритической) геополитике. *Политическая наука*, (2), 26–38.

23. Песоцкий, А. А. (2015). Теоретические подходы к определению понятия «экономическое пространство». *Вопросы экономики и права*, (82), 41–44.

24. Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, (3), 24–50.

25. Прохоренко, И. Л. (2012). О методологических проблемах анализа современных политических пространств. *ПОЛИС. Политические исследования*, (6), 68–80.

26. Пушкарёва, Г. В. (2012). Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации. *ПОЛИС. Политические исследования*, (2), 166–176.

27. Ремизова, М. Н. (2012). Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (10-1), 158–162.

28. Русакович, А. В., Барахвостов, П. А. (2014). Политика Европейского союза в отношении постсоветских государств Восточной Европы в 2004–2014 гг. *Журнал международного права и международных отношений*, (4), 9–15.

29. Самчук, М. М. (2012). Социокультурное пространство: структура и основные элементы. *Известия Волгоградского государственного технического университета*, 10(3), 78–82.

30. Цветкова, О. В. (2019). Политическое пространство: теоретико-методологические основы. *Социально-гуманитарные знания*, (5), 204–211.

31. Acemoglu, D. (2003). Root causes. *Finance & Development*, 40(2), 27–43.

32. Ahlfeld, S., Hemmer, H.-R., & Lorenz, A. (2005). The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge*, (34).

33. Börzel, T. A., & Risse, T. (Eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001>

34. Darwin, C. (1900). *Origin of Species*. Literary Classics.

35. Dellepiane Avellaneda, S. (2010). Good Governance, Institutions and Development: Beyond the Conventional Wisdom. *British Journal of Political Science*, 40(1), 195–224.

36. Etzioni, A. (1965). *Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces*. New York: Rinehart. <https://doi.org/10.2307/2092795>

37. Gallup, J. L., Sachs, J. D., & Mellinger, A. (1999). Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 22(2), 179–232. <https://doi.org/10.1177/016001799761012334>

38. Haverluk, T. W., Beauchemin, K. M., & Mueller, B. A. (2014). The three critical flaws of critical geopolitics: towards a neo-classical geopolitics. *Geopolitics*, 19(1), 19–39. <https://doi.org/10.1080/14650045.2013.803192>
39. Hausmann, R., Pritchett, L., & Rodrik, D. (2005). Growth Accelerations. *Journal of Economic Growth*, 10(4), 303–329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>
40. Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Western and non-Western Economic Institutional Models in Time and Geographical Space. *Terra Economicus*, 17(1), 8–23. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-8-23>
41. Klieman, A. (2013). Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics. In *Workshop on Geopolitics & Great Powers* (pp. 26–64). Jerusalem.
42. Mackinder, H. J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, (23), 421–437.
43. Mellinger, A. D., Sachs, J. D., & Gallup, J. L. (2000). Climate, Coastal Proximity, and Development. In G. L. Clark, M. P. Feldman & M. S. Gertler (Eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography* (pp. 169–194). Oxford: Oxford Univ. Press.
44. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>
45. North, D. C. (2016). Institutions and economic theory. *The American Economist*, 61(1), 72–76. <https://doi.org/10.1177/0569434516630194>
46. Parent, O. & Zouache, A. (2009). Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East. *Economic Research Forum*, Working Paper, (490).
47. Parent, O., & Zouache, A. (2012). Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 168(3), 488–518. <https://doi.org/10.1628/093245612802921006>
48. Plummer, P., & Sheppard, E. (2006). Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography. *Journal of Economic Geography*, 6(5), 619–637. <http://dx.doi.org/10.1093/jeg/lb1005>
49. Ratzel, F. (1896). *History of Mankind*. Vol. 1. London: Macmillan and Co. Retrieved June 05, 2023, from <https://ia801505.us.archive.org/3/items/in.ernet.dli.2015.22248/2015.22248.the-history-of-mankind--vol-1.pdf>
50. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. In *L'année sociologique* (pp. 1–14). 1898–1899. Retrieved June 05, 2023, from <http://checharfle.h.c.f.unblog.fr/files/2010/02/ratzellesolsocieteetat.pdf>
51. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H. F. Helmut (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Co.
52. Rodríguez-Pose, A. (2013). Do Institutions Matter for Regional Development? *Regional Studies*, 47(5), 1034–1047. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.748978>

53. Saha, B. (2013). Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 25(1–2), 69–89. <https://doi.org/10.1177/02601079145246>
54. Semple, E. C. (2015). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. Retrieved June 05, 2023, from <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>
55. Solingen, E. (1998). *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
56. Spykman, N.J. (1938). Geography and foreign policy. *American political science review*, 32(1), 28–50. <https://doi.org/10.2307/1949029>
57. Storey, D. (2020). Political Geography. In *International Encyclopedia of Human Geography* (2nd ed.) (pp. 199–206). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10488-3>
58. Turner, F.J. (1932). *The Significance of Sections in American History*. Retrieved June 01, 2023, from <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>
59. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London, Constable Publishers. Retrieved June 01, 2023, from <https://ia601409.us.archive.org/32/items/in.ernet.dli.2015.14647/2015.14647.Principles-Of-Human-Geography.pdf>
60. Wysienska-Di Carlo, K., & Di Carlo, M. (2014). *Attitudes towards redistribution and the welfare state in Poland*. Warsaw, Research Group on Comparative Analysis of Social Inequality, Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Retrieved June 01, 2023, from https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf

---

References

1. Acemoglu, D. (2003). Root causes. *Finance & Development*, 40(2), 27–43.
2. Ahlfeld, S., Hemmer, H.-R., & Lorenz, A. (2005). The Economic Growth Debate – Geography Versus Institutions: Is There Anything Really New? *Entwicklungsökonomische Diskussionsbeiträge*, (34).
3. Barakhvostov, P.A. (2020). Velikoe knyazhestvo Litovskoe: opyt institutsional'nykh transplantatsiy [Grand Duchy of Lithuania: institutional transplantation experience]. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Ser. gumanitarnykh navuk*, 65(4), 424–431. (in Russ.). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>
4. Barakhvostov, P.A. (2021). Institutsional'nye osobennosti integratsii zemel' Rechi Pospolitoj v sostav Rossiyskoy i Avstriyskoy imperiy [Institutional analysis of the integration of Rzeczpospolita Lands in-to the Russian and Austrian empires]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(4), 51–69. (in Russ.). [Discourse-P. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 8–30](https://doi.org/10.24833/2071-

</div>
<div data-bbox=)

8160-2021-4-79-51-69

5. Baranovsky, V.G. (1983). *Politicheskaya integratsiya v Zapadnoy Evrope. Nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Political Integration in Western Europe]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
6. Baykov, A.A. (2012). *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoj Azii* [Comparative integration. Experience and patterns of integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).
7. Bessonova, O.E. (1993). Razdatok kak nerynochnaya sistema [Razdatok as non-market system]. *Izvestiya SO RAN. Seriya: Region: ekonomika i sotsiologiya*, (1), 29–41. (in Russ.).
8. Biyakov, O.A. (2004). Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoystva [Economic Space: essence, functions, properties]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (2), 101–108. (in Russ.).
9. Börzel, T.A., & Risse, T. (Eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199682300.001.0001>
10. Darwin, C. (1900). *Origin of Species*. Literary Classics.
11. Dellepiane Avellaneda, S. (2010). Good Governance, Institutions and Development: Beyond the Conventional Wisdom. *British Journal of Political Science*, 40(1), 195–224.
12. Dugin, A. (2007). *Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki XXI veka* [Postmodern geopolitics. Times of new empires. essays on geopolitics of the XXI century]. St. Petersburg: Amfora. (in Russ.).
13. Durkheim, É. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon. (in Russ.).
14. Etzioni, A. (1965). *Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces*. New York: Rinehart. <https://doi.org/10.2307/2092795>
15. Gallup, J.L., Sachs, J.D., & Mellinger, A. (1999). Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*, 22(2), 179–232. <https://doi.org/10.1177/016001799761012334>
16. Hausmann, R., Pritchett, L., & Rodrik, D. (2005). Growth Accelerations. *Journal of Economic Growth*, 10(4), 303–329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>
17. Haverluk, T.W., Beauchemin, K.M., & Mueller, B.A. (2014). The three critical flaws of critical geopolitics: towards a neo-classical geopolitics. *Geopolitics*, 19(1), 19–39. <https://doi.org/10.1080/14650045.2013.803192>
18. Ipatov, A.N. (2021). Voennye konflikty XXI v. kak rezul'tat protivostoyaniya stran sush'i i moray [Military conflicts of the XXI century as a result of confrontation between land and sea countries]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (3), 65–75. (in Russ.).
19. Isaev, B.A. (2008). Sostoyanie sovremennoy geopolitiki v ee sravnenii s geopolitikoy klassicheskogo perioda 1890–1940 gg. [The state of modern geopolitics in its comparison with the geopolitics of classical period 1890–1940]. In V.G. Marakhov

(Ed.), *Mirovaya politika i ideynye paradigmy epokhi* (pp. 64–71). St. Petersburg: Sankt-Peterburg. gos. un-t kul'tury i iskusstv. (in Russ.).

20. Karadzhe, T. V. (2012). Politicheskoe prostranstvo/vremya: sodержanie ponyatiy. [Political Space/Time: Essence of Concepts]. *Voprosy politologii*, (4), 7–20. (in Russ.).

21. Kirdina, S. G. (2014). *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X–Y teoriyu* [Institutional matrices and development of Russia: introduction in X–Y theory]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.).

22. Kirdina, S. G. (2016). Rol' institutov i geografii v ekonomicheskom razvitii: aktual'naya polemika v geterodoksal'noy ekonomike [Institutions and geography in economic development: a heterodox economic discussion]. *Prostranstvennaya ekonomika*, (3), 133–150. (in Russ.). <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133-150>

23. Kirdina-Chandler, S. G. (2019). Western and non-Western Economic Institutional Models in Time and Geographical Space. *Terra Economicus*, 17(1), 8–23. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-1-8-23>

24. Klieman, A. (2013). Balance of Power, Balancing Power and Geopolitics. In *Workshop on Geopolitics & Great Powers* (pp. 26–64). Jerusalem.

25. Kulkov, V. M. (2014). Ekonomicheskoe prostranstvo: teoreticheskie aspekty i sovremennye protsessy [Economic space: theoretical aspects and modern processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, (1), 3–18. (in Russ.).

26. Kuzenkov, P. V. (2022). Evolyutsiya imperii: ot Drevnego mira k Novomu vremeni [The evolution of empire: from the Ancient World to Modern Times]. *Politicheskaya nauka*, (1), 80–99. (in Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>

27. Levyash, I. Ya. (2016). Kul'turnoe otchuzhdenie i frontiry: propasti i mosty [Cultural alienation and frontiers: chasms and bridges]. In A. V. Danilchenko (Ed.), *Dialog kul'tur v epokhu global'nykh riskov* (pp. 193–196). Minsk: Respublik. in-t vyssh. shk. (in Russ.).

28. Lyapina, M. V., & Moiseeva, I. S. (2012). Ekonomicheskoe prostranstvo: sushchnost', funktsii, svoystva [Economic space: essence, functions, properties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 34–57. (in Russ.).

29. Mackinder, H. J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, (23), 421–437.

30. Mellinger, A. D., Sachs, J. D., & Gallup, J. L. (2000). Climate, Coastal Proximity, and Development. In G. L. Clark, M. P. Feldman & M. S. Gertler (Eds.), *The Oxford Handbook of Economic Geography* (pp. 169–194). Oxford: Oxford Univ. Press. (in Russ.).

31. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>

32. North, D. C. (2016). Institutions and economic theory. *The American Economist*, 61(1), 72–76. <https://doi.org/10.1177/0569434516630194>

33. Okunev, I. Yu. (2015). Metodologicheskii sintez v sovremennoy geopolitike: navstrechu neoklassicheskoy (postkriticheskoy) geopolitike [Methodological synthesis

in modern geopolitics: towards neoclassical (postcritical) geopolitics]. *Politicheskaya nauka*, (2), 26–38. (in Russ.).

34. Ozornina, A. S. (2011). Regional'nye praktiki KNR i kitayskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie [Regional practices of the China and Chinese socio-cultural space]. *Voprosy teorii i praktiki*, (3-1), 131–134. (in Russ.).

35. Parent, O., & Zouache, A. (2009). Geographical Features vs. Institutional Factors: New Perspectives on the Growth of Africa and Middle-East. *Economic Research Forum*, Working Paper, (490).

36. Parent, O., & Zouache, A. (2012). Geography Versus Institutions: New Perspectives on the Growth of Africa and the Middle East. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 168(3), 488–518. <https://doi.org/10.1628/093245612802921006>

37. Pesotsky, A. A. (2015). Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya “ekonomicheskoe prostranstvo” [Theoretical approaches to the definition of concept “economic space”]. *Voprosy ekonomiki i prava*, (82), 41–44. (in Russ.).

38. Plummer, P., & Sheppard, E. (2006). Geography Matters: Agency, Structures and Dynamics at the Intersection of Economics and Geography. *Journal of Economic Geography*, 6(5), 619–637. <http://dx.doi.org/10.1093/jeg/lbl005>

39. Polterovich, V. M. (2001). Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, (3), 24–50. (in Russ.).

40. Prokhorenko, I. L. (2012). O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On methodological problems of analyzing modern political spaces]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, (6), 68–80. (in Russ.).

41. Pushkareva, G. V. (2012). Politicheskoe prostranstvo: problemy teoreticheskoy kontseptualizatsii [Political space: problems of theoretical conceptualization]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, (2), 166–176. (in Russ.).

42. Ratzel, F. (1896). *History of Mankind*. Vol. 1. London: Macmillan and Co. Retrieved June 05, 2023, from <https://ia801505.us.archive.org/3/items/in.ernet.dli.2015.22248/2015.22248.the-history-of-mankind--vol-1.pdf>

43. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. In *L'année sociologique* (pp. 1–14). 1898–1899. Retrieved June 05, 2023, from <http://checharfle.h.c.f.unblog.fr/files/2010/02/ratzellesolsocieteetat.pdf>

44. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H. F. Helmut (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Co.

45. Remizova, M. N. (2012). Interpretatsiya ponyatiya “sotsiokul'turnoe prostranstvo” v klassicheskoy sotsiologii [Interpretation of notion social-cultural space in classical sociology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (10-1), 158–162. (in Russ.).

46. Rodríguez-Pose, A. (2013). Do Institutions Matter for Regional

Development? *Regional Studies*, 47(5), 1034–1047. <https://doi.org/10.1080/00343404.2012.748978>

47. Rusakovich, A. V., & Barakhvostov, P.A. (2014). Politika Evropeyskogo soyuza v otnoshenii postsovetskikh gosudarstv Vostochnoy Evropy v 2004–2014 gg. [The European Union Policy towards Post-Soviet States of Eastern Europe in 2004–2014]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, (4), 9–15. (in Russ.).

48. Saha, B. (2013). Institutions or Geography: Which Matters Most for Economic Development? *Journal of Interdisciplinary Economics*, 25(1–2), 69–89. <https://doi.org/10.1177/02601079145246>

49. Samchuk, M. M. (2012). Sotsiokul'turnoe prostranstvo: struktura i osnovnye element [Socio-cultural space: the structure and basic elements]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 10(3), 78–82. (in Russ.).

50. Semple, E. C. (2015). *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. Retrieved June 05, 2023, from <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>

51. Solingen, E. (1998). *Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

52. Spykman, N.J. (1938). Geography and foreign policy. *American political science review*, 32(1), 28–50. <https://doi.org/10.2307/1949029>

53. Storey, D. (2020). Political Geography. In *International Encyclopedia of Human Geography* (2nd ed.) (pp. 199–206). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102295-5.10488-3>

54. Tsvetkova, O. V. (2019). Politicheskoe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Political space: theoretical and methodological foundations]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (5), 204–211. (in Russ.).

55. Turner, F.J. (1932). *The Significance of Sections in American History*. Retrieved June 01, 2023, from <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>

56. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London, Constable Publishers. Retrieved June 01, 2023, from <https://ia601409.us.archive.org/32/items/in.ernet.dli.2015.14647/2015.14647.Principles-Of-Human-Geography.pdf>

57. Voytovich, S. A. (1993). Genesis i razvitie nauchnogo ponyatiya “integratsiya” [Genesis and development of scientific concept “integration”]. In V. N. Kudryavtsev (Gen. ed.), *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t.* (Vol. 7, pp. 8–11). Moscow: Nauka. (in Russ.).

58. Wysienska-Di Carlo, K., & Di Carlo, M. (2014). *Attitudes towards redistribution and the welfare state in Poland*. Warsaw, Research Group on Comparative Analysis of Social Inequality, Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Retrieved June 01, 2023, from https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf

59. Zamyatina N. Yu. (1998). Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5), 75–88. (in Russ.).

60. Zorina, E. G. (2018). Osobennosti postreal'nosti i ikh vliyanie na politicheskoe prostranstvo [Features of post-reality and their influence on the political space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (4), 91–98. (in Russ.).

Информация об авторе

Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel Aleksandrovich Barakhvostov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

---